

С. Ю. Воробьева

ПРИЕМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО НАЧАЛ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО» (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Анализируются приемы репрезентации гендерного сознания автора-женщины на материале романа Л. Улицкой, демонстрируется методика их выявления и систематизации. На основе анализа различных типов образности и формируемой в тексте романа эстетической целостности предпринимается попытка реконструировать гендерно ориентированную этическую концепцию автора.

Выявленные в процессе анализа приемы репрезентативны для «феминного» типа письма, поскольку имеют соответствующую символическую наполненность. Так, например, мужественность проявляет себя в мотивах «броска», «цели», а женственность заявляет о себе мотивом особого жизненного «порядка». Выступая в процессе письма трансляторами сознания автора-женщины, занятой как поисками собственной идентичности, так и выражением своих социальных предпочтений, выявленные мотивы также представляют различные в гендерном отношении поведенческие модели. Для маскулинного сознания характерны субъект-объектные отношения с миром, для феминного – субъект-субъектные, т. е. партнерские, паритетные.

Таким образом, специфически проявляясь в характере соотношения комплексов означаемого и означающего, женское и мужское начала заявляют о себе прежде всего различной ценностной установкой по отношению к реальности.

Ключевые слова: *гендер, дискурс, женская субъективность, ирония, образ, реноминция, структура, феминное письмо.*

Проблема определения черт «женственного стиля» – камень преткновения феминистской критики, наглядная демонстрация факта опережения практики теорией, что и приводит к существенной дифференциации исследовательских работ, находящихся в русле гендера: они либо сугубо теоретичны, носят методологически обобщающий характер, либо сконцентрированы вокруг одной, частной проблемы и поэтому излишне эмпиричны. Главная задача гендерных исследований в области поэтики – сократить эту дистанцию. Наиболее часто предметом исследовательского внимания в аспекте гендера становится образный уровень художественного произведения [1–3]. Выявление «культуры гендера» на этом материале видится перспективным прежде всего потому, что касается тех не рефлексированных активно феноменов дискурсивного характера, за счет которых художественный образ формируется как эстетический объект. «Феминная» составляющая письма проявляет себя как результат деконструкции патриархального дискурса с позиции не противостоящей традиционной антагонистически, но как бы встроенной в нее изнутри и дающей новый ракурс видения, позволяющий устранить «недосчитанность женщины в конструкции истины» [4, с. 116], достроить парадигму знания, экологизировав ситуацию путем преодоления гендерной асимметрии.

Автор-женщина действительно гораздо чаще обращается к созданию женских образов, нежели мужских, но в произведениях Л. Улицкой, которые давно находятся в центре внимания как критики, так и академической науки, наблюдается своего рода равновесие в интересе автора к женским и мужским персонажам.

Рассмотрим основные черты «образной» стратегии Улицкой на примере романа «Казус Кукоцкого».

Сосредоточившись в своем первом романе «Медя и ее дети» именно на образе женщины, Л. Улицкая выстраивает его как дискурсивную экстраполяцию некоей жизненной философии, вырабатывая адекватный ее строю характер письма, особую *феминную дискурсивность*, которая демонстрирует как свою независимость от социокультурных норм и запретов, так и безграничный креативный потенциал в отношении феномена смыслопорождения, прежде всего в силу того, что выступает как альтернативная, но не антагонистическая традиционной (маскулинной) дискурсивности инстанция. Одним из проявлений этой дискурсивности является и факт добровольного подчинения жизненных приоритетов мужчины женской модели поведения не как антагонистической и агрессивно-подавляющей в отношении маскулинного, а как в большей степени соответствующей идеалу общечеловеческого и даже, возможно, общевселенского масштаба [5].

Подобная дискурсивная практика является глубинным основанием и для формирования иронического повествовательного модуса: автор-женщина, создавая образ мужественности в рамках феминной парадигмы, не склонна рассматривать его как сложно организованное, эстетически незавершенное целое, напротив, его целевая установка на покорение и подчинение себе строя жизни порождает его эстетическую предсказуемость и монологичность.

Заманчиво интерпретировать этот процесс как своего рода «симметричную» ответную реакцию автора-женщины автору-мужчине на то, что дли-

тельная история патриархатного доминирования в культуре превратила женщину из субъекта в объект, в означаемое маскулинного дискурса. Об этой особенности его презентации в женском «массовом» романе не без некоторой иронии пишет Я. Бодман, по словам которой, «мужчина женского романа реализован через архетип Иванушки-Дурачка, Simple Simon'a» [6, с. 266].

Тенденция упрощать образ мужчины и психологически, и дискурсивно очевидна и в романе «Казус Кукоцкого», весьма далекого, по мнению критики, от «массового женского чтения», на которое ориентирована процитированная выше статья.

Павел Алексеевич Кукоцкий, светило гинекологии, признанный авторитет среди ученых, прекрасный организатор с ярко выраженной гражданской ответственностью, беззаветно влюбленный в свою Елену и по-рыцарски коленопреклоненно служащий ей, попадает впросак, оказывается в роли действительного простака пред лицом женской сущности, совершая непоправимый в своей жизни поступок. Много раз потом автор-женщина заставит своего героя раскаиваться в содеянном, покорно нести крест одиночества, расплачиваться за свое минутное сомнение в том, что сущность женственности несводима к детородной функции. В финале романного сюжета герой оказывается беспомощен и перед болезнями, отнимающими жизни его самых любимых женщин. Казус Кукоцкого – казус сильной, маскулинной по своей сути личности, устремленной к постижению мирового Логоса, но не сумевшей «вписаться» в сложное сплетение аттракторов великого жизненного Порядка. В этом смысле Кукоцкий, как и Бутонов, – антипод Медеи: он, как это ни парадоксально, не поддерживает строй жизни, и если не разрушает его прямо, то не препятствует его разрушению или делает это неэффективными способами, методом единичных бросков, поэтому в координатах феминной логики он выступает в образе печального «простака», переживающего свое горе от ума.

Структурно его развитие происходит в том же направлении, что и развертывание мужских образов в «Медее»: Павел Алексеевич показан не только более крупным планом, но, что самое главное, он, в отличие от таких персонажей «Медее», как Бутонов, Иван Исаевич, Гвидас, вплотную подходит к рациональному постижению того природного Порядка, который управляет жизнью, поражается сделанным наблюдениям, но довериться и отдать его ритму, течению, его логике окончательно, а не только проявить профессиональный интерес он не способен: «...К середине пятидесятых годов научные интересы увели Павла Алексеевича в неожиданном направлении. Исследуя некоторые виды женского бесплодия, Павел Алексеевич обна-

ружил не известные прежде фазы в пределах месячного цикла. Он обратил свое пристальное внимание на женщин, родивших ребенка после многолетнего бесплодия. Деток таких он называл «Авраамовыми», а женщин, родивших первого ребенка от первой беременности после многолетнего бездетного брака, тщательно исследовал, опрашивал...

Параллельно с этим он через работы знаменитого Чижевского подошел к рассмотрению космических природных циклов, к теме биоритмов. <...>

В его рассуждениях было много интуитивного, не поддающегося на современном научном уровне исследованию, но в основе лежала догадка о существовании яйцеклетки с необыкновенно короткой фазой активности» [7, с. 215].

Характер восприятия мира у Павла Алексеевича маскулинно прямолинеен: наивно полагая, что политическая или государственная власть способна изменить демографию, легитимизируя аборт, он действует из лучших побуждений, ищет прямой, наикратчайший, рациональный путь решения проблемы. По сути же, он искусственно навязывает природе сущностно противное ей действие, способное нарушить помимо физического еще и нравственное здоровье женщины. Эта выводимая из сюжета романа содержательная доминанта образа Кукоцкого соответствует и дискурсивным тактикам его создания: Улицкая предельно овнешняет его образ: «...Павел Алексеевич обладал важнейшим качеством ученого – умением задавать правильные вопросы... Он внимательно следил за современными исследованиями в области физиологии и эмбриологии<...>Научные проблемы, которые Павла Алексеевича интересовали, всегда были связаны с конкретными медицинскими задачами, будь то борьба с ранними выкидышами, разрешение бесплодия, новые хирургические подходы к иссечению матки или кесарево сечение при неправильном предлежании плода» [7, с. 15].

Такое структурно-семиотическое решение эстетики образа не оставляет для читателя смысловых лагун, не требует ответственного участия в его создании, герой подан автором уже в «готовом», оцененном виде. При таком рационально-оценочном подходе к герою автор лишает его образ возможности спонтанно и органично порождать сюжет, поэтому все немногочисленные решительные и решающие для сюжетного развития поступки Кукоцкий совершает под влиянием внешних сил:

1) женитьба на Елене – результат некоей внешней предопределенности: Кукоцкий лишь «узнал» в ней то родное тело, которое было предназначено ему и совершил свой первый «бросок», забрав Елену в свою жизнь из жизни ее мужа и отца Тани;

2) эпатаж с луковицей – результат накопившейся критической массы фактов собственного про-

фессионального бессилия в противостоянии женской смертности от аборт, этот эпизод также дискурсивно оформляется в своего рода «бросок», нацеленный против стагнирующей государственной системы, патриархатной в своем этическом статусе: происходит столкновение двух одинаково враждебных женщине сил – государства, подавляющего женственность буквой закона, и маскулинной стратегии самого Кукоцкого, пытающегося помочь женщине теми же приемами, в силу чего легитимизация абортов, осуществляющая принцип свободы выбора для женщины, остается враждебной более важному принципу Жизни, демонстрируя победу Смерти;

3) уход в пьянство также обретает вид «броска»: ученый выбирает для своего светлого по природе разума тьму бессознательного, выключаясь из активной жизни, по сути, предпочитая не-бытие.

Подобным образом структурированный образ неизбежно должен был дополниться элементом, асимметрично нарушающим в нем однозначность семиотической связи означающего и означаемого комплексов, который осложнил бы его рецепцию, сообщив импульс развитию сюжета. В случае Кукоцкого такой «асимметричной» деталью становится его дар «тайновиденья», который интригует читателя возможностью синтеза заявленной с самого начала повествования реалистической доминанты с иной эстетической «модальностью»; в случае Бутонова (роман «Медея и ее дети») таким элементом становится странное равнодушие героя к представительницам прекрасного пола при его подчеркнуто совершенных физических данных – факт, который также требует продолжения сюжета и разрешения заданной загадки. Отметим при этом, что женские образы, как правило, лишены у Улицкой подобного «интригующего» фактора, имея внутренний структурно-семиотический потенциал для своего «сюжета», далеко не всегда явного или традиционно поступательного. Так, в романе «Казус Кукоцкого» каждый из четырех основных женских образов выстроен в рамках той же стратегии «феминного» письма, которой отмечено повествование в «Медее». Остановимся на них более подробно.

Л. Улицкая избирает в этом романе более сложную тактику дискурсивной репрезентации женщины как говорящей инстанции по сравнению с мужским образом. Елена, как и Медея, мало говорит – несколько отдельных реплик на протяжении всего текста, причем большая их часть – невнятное окружающим, обрывочное бормотание. Но, хотя процесс живого «говорения» Елены максимально редуцирован, именно ей, а не Кукоцкому автор отдает пространство «письма»: «...После него осталась догадка, что каждая фраза имеет свою геометрию,

только надо напрячься, чтобы ее уловить. Есть в словах что-то чертежное, размышляла она. Есть „чертежность“ во всем существующем, только высказать это невозможно» [7, с. 225].

Оригинальность видения мира Елены-женщины ничуть не уступает мощи «тайновидения» Кукоцкого-мужчины. Этот важный факт – отражение стремления автора-женщины, во-первых, художественно актуализировать существующую в патриархатном обществе гендерную асимметрию, тем более что модель семьи Кукоцких, где роль главы полноправно и безраздельно принадлежит Павлу Алексеевичу, носит подчеркнуто патриархатный характер. В силу этого «тайновидение» Кукоцкого-мужчины выливается в практику поступка (профессиональную деятельность) и востребовано реальной жизнью в полной мере, в то время как креативная способность Елены-женщины (стероскопия ее видения) остается «за кадром» жизни, но выливается в акт письма. Во-вторых, гендерно чувствительное сознание Улицкой-автора стремится таким образом восстановить нарушенный в реальности гендерный паритет, подчеркнув паритет креативных способностей Кукоцкого и Елены.

Симметрично этому, т. е. по тому же структурному «рисунку», разворачивается и другая ипостась параллели образов Кукоцкого и Елены: они оба тяготеют реальностью, ищут выход из нее, но происходит это принципиально разными способами. Павел Алексеевич делает это одномоментно, волевым «броском» уходит в алкогольную нирвану, отвечая так на события внешнего порядка, угрожающие свободе его субъективности; Елена продельывает то же самое, но постепенно и невольно: через замену рационального мышления иррациональным, реального пространства – запредельным, отвечая, скорее, внутренним, нерелексированным потребностям своего «Я». Таня поступает проще, буквально сбегая в иные пространственные и временные координаты: ведет ночной образ жизни, стремится к ее маргинальным сферам. Исток обоих «побегов» – сомнения в непогрешимости патриархатного авторитета Кукоцкого, своего рода «бунт» опекаемых им женщин: каждая по-своему покидает пространство его мира.

Подводя итог, отметим, что если «мужские» образы Улицкой стремятся к типологизации и овнешнению, то «женские», напротив, предельно индивидуализируются, изменяют привычную реалистическую парадигму, подчиняя ее новой цели: представить не завершающую детерминацию объекта, а его индетерминацию т. е. выявление его феноменальной нередуцируемой природы. Такая тенденция свидетельствует о последовательном проявлении в романских текстах Улицкой так называемого феминного «билингвизма» [8], предполагаю-

щего объединение различных способов гендерной презентации субъектности, а именно: с одной стороны, возможность мимикрировать под патриархатный дискурс, если речь идет о маскулинной тематике и образности, с другой – способность активно использовать приемы «феминного письма», если создается образ женственности.

Подводя итог, отметим, что причастность центральных образов романа «Казус Кукоцкого» именно к феминной аксиологии заложена в его знаковой структуре, предстает как дискурсивная стратегия, которая демонстрирует авторское представление о норме жизни, ее нарушениях и способах ее восстановления. В рамках дискурсивно воссоздаваемой Л. Улицкой картины мира абсолютную ценность имеет некий изначально заданный человеку «Порядок» окружающего мира. Ставя это слово в кавычки, мы лишь хотим подчеркнуть условность этого наименования, поскольку характер «Порядка» противоречит его привычной семантике и метафизической сути: это порядок, лишенный иерархии, привычной бинарности, единственной и безальтернативной истины, единой оси симметрии. Но это отнюдь не «порядок Хаоса», противоположный «порядку Порядка», отмеченный господ-

ством случайностей, аморфный и неструктурированный. Порядок, условно называемый здесь «феминным», – это определенная стратегия жизни, которую человек должен, видимо, усвоить от природного Логоса, научившись трудиться над его поддержанием и развитием, но не противоречить ему и не нарушать того, что задано самой жизнью своим эгоистичным вмешательством, которое почти всегда чревато катастрофой. Лучше всего, согласно Л. Улицкой, это понимают те, кто стоит на пороге жизни (дети), кто прощается с нею, и женщины.

Наглядно демонстрируя возможность продуцирования как «толковательного», завершающего, так и открыто диалогического видов дискурса, сопрягая их, кроме того, с репрезентацией категорий мужественности и женственности, Л. Улицкая утверждает приоритетность феминного письма, способного не только адекватно выразить идею женственности, но и оценить мужественность с позиции Другого.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00068.

Список литературы

1. Алгунова Ю. В. Малая проза Т. Толстой: Проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 214 с.
2. Горбунова Н. И. Художественная структура образов женских персонажей в современной немецкой женской прозе: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 242 с.
3. Лариева Э. В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009. 24 с.
4. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 118–129.
5. Воробьева С. Ю. Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» (гендерный аспект) // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8 «Литературоведение. Журналистика». 2013. Вып. 12. С. 52–62.
6. Боцман Я. Два образа трансценденции в женском русскоязычном романе // Гендерные исследования. ХЦГИ. Харьков, 1998. № 1. С. 262–267.
7. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: Изд-во АСТ, 2015. 512 с.
8. Cixous H., Clement C. The Newly Born Woman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 168 p.

Воробьева С. Ю., кандидат филологических наук, доцент.
Волгоградский государственный университет.
Пр. Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062.
E-mail: svewor@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28.12.2015.

S. Yu. Vorob'eva

METHODS OF PRESENTATION MALE AND FEMALE ELEMENTS IN THE NOVEL BY L. ULITSKAYA “THE CASE OF KUKOTSKIY” (GENDER ASPECT)

The article analyzes the methods of representation of gender awareness of the women authors based on the novel by L. Ulitskaya “demonstrates the methods of their detection and systematization. Based on the analysis of different types of imagery and formed in the text of the novel aesthetic integrity makes an attempt to reconstruct the gender-oriented ethical concept of the author. Identified during the analysis techniques are representative of the “feminine”

type letters, because they have the appropriate symbolic content. For example, the machismo manifests itself in the motif of the “cast”, “objective”, feminine declares itself by the motive of the special life “order”. Acting in the process of writing as the translators of the consciousness of the authoress, engaged in the search for her own identity and in the expression of her own social preferences, the revealed motifs also represent various gender behaviors. Thus, specifically manifested in the character of correlation of the signifier and signified complexes, male and female elements manifest themselves primarily in different value orientations in relation to reality.

Key words: *gender, discourse, female subjectivity, ironic way, renomination, structure, feminine letter.*

References

1. Algunova Yu. V. *Malaya proza T. Tolstoy: Problematika i poetika. Dis. kand. filol. nauk* [Small prose of T. Tolstoy: Problems and Poetics. Diss. cand. philol. sci.]. Tver', 2006. 214 c. (in Russian).
2. Gorbunova N. I. *Khudozhestvennaya struktura obrazov zhenskikh personazhey v sovremennoy nemetskoj zhenskoy proze. Dis. kand. filol. nauk* [Art images of the structure of the female characters in modern German women's prose. Diss. cand. philol. sci.]. St. Petersburg, 2010. 242 p. (in Russian).
3. Larieva E. V. *Kontseptsiya semeystvennosti i sredstva eye khudozhestvennogo voploshcheniya v proze L. Ulitskoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concept of nepotism and means of artistic expression in prose L. Ulitskaya. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Petrozavodsk, 2009. 24 p. (in Russian).
4. Derrida Zh. Shpory: stili Nitshe [Spurs: Nietzsche's Styles]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1991, no. 2, pp. 118–129.
5. Vorobeva S. Yu. Zhenskiye i muzhskiy obraz v romane L. Ulitskoy “Medeya i ee deti” (genderny aspekt) [Female and male characters in the novel L. Ulitskaia “Medea and Her Children” (gender aspect)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 8 “Literaturovedeniye. Zhurnalistika” – Journal of Volgograd State University. Ser. 8 Literature. Journalism*, 2013, vol. 12, pp. 52–62 (in Russian).
6. Botsman Ya. Dva obraza transtsendentsii v zhenskoy russkoyazychnom romane [Two images of transcendence in the women's Russian-language novel]. *Gendernye issledovaniya – Gender Studies, KHTSGI. Khar'kov*, 1998. no. 1, pp. 262–267 (in Russian).
7. Ulitskaya L. E. *Kazus Kukotskogo* [Causus of Kukotskiy]. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2015. 512 p. (in Russian).
8. Cixous H., Clement C. *The Newly Born Woman*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1986. 168 p.

Vorob'eva S. Yu.

Volgograd State University.

Pr. Universitetsky, 100, Volgograd, Russia, 400062.

E-mail: svewor@yandex.ru